

В. М. Кириллов
**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СССР:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

УДК 930 (47)

ББК 63.1 (2) 6

В статье анализируется современная (с конца 1980-х — по 2000-е гг.) историография актуальной проблемы принудительного труда. Методология исследования: концепции модернизации, мобилизационной и репрессивной экономики, системный подход, методы историографического анализа. Проанализировано более 180 статей и монографий, связанных с проблемой принудительного труда в СССР. Автор приходит к выводу о заметно изменившемся сегодня, по сравнению с 1990-ми гг., положении с доступом к архивным источникам. Лагерная тематика вытеснена из публичного пространства. В то же время активно развивается методология изучения проблемы принудительного труда, причем одним из наиболее перспективных теоретико-методологических подходов является концепция репрессивной/режимной экономики. С помощью системного подхода выявлена иерархия систем, в рамках которой изучается проблема принудительного труда: российская цивилизация — тоталитарное государство — традиционное общество — репрессивная политика — мобилизационная экономика — репрессивная/режимная экономика — система принудительного труда. Функционирование сложных взаимозависимостей в рамках этой иерархии систем объясняет высокую степень дискуссионности проблем историографии принудительного труда.

Ключевые слова: *модернизация, мобилизационная экономика, репрессивная экономика, принудительный труд, огосударствленный труд, ГУЛАГ, репрессивно-производственный комплекс, спецконтингент*

Изучение принудительного труда в СССР является частью проблемного поля историографии советского прошлого. Последовательное продвижение исследований от разоблачения преступлений сталинского режима и критики советской модели государственного устройства; выявления в качестве основ тоталитарного государства институтов политических репрессий и принудительного труда; анализа карательной системы на уровне ИТЛ и спецпоселений; от изучения отдельных категорий репрессированных к анализу спецконтингента в целом, его роли в мобилизационной модели экономики — таков путь, пройденный исторической наукой России за короткий период времени.

Целью данной публикации является историографический анализ исследования проблемы принудительного труда в СССР. Актуальность исследования подтверждается отсутствием обобщающих историографических работ по обозначенной проблеме.

Объектами исследования выбраны научные публикации по проблемам мобилизационной

экономики и принудительного труда в период с конца 1980-х — по 2000-е гг., связанный с «архивной революцией» и сменой парадигмы отечественной исторической науки.¹

В качестве методологии использованы концепции модернизации, мобилизационной и репрессивной экономики, системный подход, методы историографии.

Из проведенного историографического анализа следует, что наиболее популярными теоретическими моделями при изучении советского периода стали формационный, цивилизационный, модернизационный подходы, а в исследовании проблем политических репрессий — концепции тоталитаризма и модернизации, мобилизационной экономики. Последняя концепция связана с принуждением, с принудительным трудом.

Проанализированные публикации позволили определить ключевые проблемы, связанные с феноменом принудительного труда. В результате выделены основные проблемно-тематические блоки: это вопросы изучения

Кириллов Виктор Михайлович — д.и.н., профессор, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Нижний Тагил)
E-mail: history_vmk@mail.ru

¹ Всего проанализировано около 300 статей из сборников конференций и монографий, связанных с проблемой принудительного труда, в том числе работы 14 зарубежных ученых (А. Блюм, Н. Верт, Л. Виола, П. Грегори, Р. Дэвис, М. Кравери, Д. Норландер, Л. Самуэльсон, М. Феретти, Ш. Фицпатрик, М. Харрисон, Д. Ширер, Э. Эпплбаум, С. Эртц).

директивно-мобилизационной экономики; репрессивной политики; подсистем советской экономики в рамках мобилизационной модели; репрессивной экономики; системы принудительного труда.

Обратимся к первому проблемно-тематическому блоку. Приоритет в разработке понятия мобилизационной экономики принадлежит А. Г. Фототову. В своей монографии он пишет: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития».²

Участники круглого стола в 1999 г. отметили некорректность «отождествления государственного регулирования... и мобилизационной экономики», подчеркнув, что механизмы такой экономики «не могут быть использованы как база для развития рынка» и непосредственно связаны с репрессиями.³

П. Грегори при изучении сталинской экономики использовал микро- и макроэкономические, неинституциональные методы исследования. В его монографии содержится ряд принципиально важных выводов, касающихся модели мобилизационной экономики.⁴ Он констатирует: «Модель принуждения, установленная Сталиным, — это в точности та самая модель, которую рациональный диктатор, имеющий целью максимизацию власти, установил бы в случае использования абстрактной социологической модели рационального выбора».⁵

В. В. Седов в качестве причин появления мобилизационной экономики называет «угрозу нападения извне», дополняя ее провозглашенным курсом на «развернутое строительство социализма». Он обосновывает тезис о существовании в СССР некоего «мобилизационного социализма», «родовой основой» которого «стал общинный дух...»⁶ Второй тезис автора — «...не мобилизационность явилась результатом

утвердившихся командных методов, а, наоборот, командной экономика стала под воздействием мобилизационности».⁷ Особый акцент им сделан на стахановском движении как на «мобилизационном сверхресурсе», пришедшем «на смену капиталистической конкуренции».⁸

А. С. Сенявский сформулировал тезис об особом типе «национально-ориентированной модели хозяйства», созданной в советской России в противовес «западной либерально-рыночной». Эта модель базировалась «на этатистской нерыночной основе» и специфических «социокультурных основах страны», была адекватной «задачам раннеиндустриального развития». Мобилизационную экономику исследователь «вписывает» в единый общественный организм, который называется «тоталитарной моделью».⁹ Он позитивно оценивает механизм социальной мобилизации в виде массового энтузиазма.

В противоположность тезису В. В. Седова о том, что «командной экономика стала под воздействием мобилизационности», в работе Н. Б. Арнаутова обоснован иной взгляд на проблему. Он полагает, что именно кризисные ситуации и их использование позволяли существовать и воспроизводиться сталинскому режиму, а социальные мобилизации стали сущностной чертой режима и способом его функционирования.¹⁰

К. И. Зубков предпринял историко-социологический анализ феномена мобилизационной экономики и обнаружил корни этого явления в европейской истории нового времени. Он считает, что именно милитаризация была одним из решающих импульсов «экономической модернизации в период раннего нового времени».¹¹ По его наблюдениям, образец государственного управления, который привлек внимание В. И. Ленина, — это образец «идеально-упорядоченный, германский», видевшийся как «готовый механизм общественного хозяйничанья». Эта «иллюзия» повлияла на ленинскую модернизацию марксизма и воплотилась «в практике “военного коммунизма”, а затем

² Фототов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.

³ Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России? URL: <http://rusotechestvo.narod.ru/finansy/f49.html> (дата обращения: 15.03.2017).

⁴ См.: Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

⁵ Материалы Международной конференции «История сталинизма: итоги и проблемы изучения» (2008 г.) в журнале «Российская история» (2009, № 5). URL: <http://www.rosspen.ru/ru/news/view/id/399/> (дата обращения: 15.03.2017).

⁶ Седов В. В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всерос. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 7–8.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Седов В. В. Мобилизационная экономика прошлого — требование настоящего и будущего // Мобилизационная модель экономики. С. 9.

⁹ Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы // Там же. С. 25.

¹⁰ См.: Арнаутов Н. Б. Мобилизационные элементы советской идеологии 1930-х гг. // Там же. С. 53–54.

¹¹ Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Там же. С. 64.

в чрезвычайно жестких, военизированных методах сталинского строительства «социализма в одной стране»». ¹² Автор полагает, что логика использования принудительного труда «покоилась на выборе не между рентабельностью и нерентабельностью осуществляемых с его помощью проектов... а между их осуществимостью или неосуществимостью». ¹³

И. В. Побережников акцентирует внимание на том, что политико-идеологические стратегии государства разрабатываются в зависимости от фундаментальных «цивилизационно-культурных структур, выступающих в качестве каркаса, ядра цивилизаций». Он констатирует, что российская ментальность со времен петровских преобразований традиционно настроена на авторитарный, репрессивный вариант модернизации. ¹⁴

А. В. Горшков проанализировал «модели человека» в работах Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого, А. А. Богданова. В первых двух вариантах, как показал его анализ, предусматривается государственное внеэкономическое принуждение. Наиболее ярко идеология принуждения проявляется в модели Троцкого, где социализм понимается как организация «труда на принудительной общественной основе солидарности». ¹⁵

С. А. Красильников так называемую «сталинскую мобилизационную экономическую модель» понимает как модель «внеэкономическую», где «...условия хозяйственной деятельности и мотивация труда были искаженными, деформированными самой природой принудительного труда». ¹⁶ В. М. Кириллов охарактеризовал мобилизационную экономику как «псевдоэкономическую», а систему принудительного труда — как «систему социального вампиризма». ¹⁷

Однако, многие исследователи убеждены в эффективности такой модели модернизации и считают, что ГУЛАГом была создана высокоэффективная хозяйственная система. Таким образом, можно констатировать, что до сих пор сохраняется дискуссионность в оценке мобилизационной модели развития.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ См.: Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики. С. 99–100.

¹⁵ Горшков А. В. Модели человека в мобилизационной экономике // Там же. С. 251–252.

¹⁶ Красильников С. А. Спецпереселенцы, спецартели и спецорганы: механизмы и результаты спецколониализации Западной Сибири в 1930-е гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 312, 313.

¹⁷ Кириллов В. М. Принудительный труд в контексте мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики. С. 334.

История репрессивной политики наиболее популярна в историографии, ее описанию посвящены сотни работ. Изучены ее институциональные основы, нормативная база и лагерная юстиция, формирование карательной системы и ГУЛАГа, этапы развития репрессивной политики, подсчитано количество жертв репрессий (расчет демографических потерь содержится в диссертации С. А. Кропачева).

Острые дискуссии вызвал вопрос о соотношении карательно-воспитательных функций репрессий и экономических задач модернизации. В противоположность тезису о сознательном расширении террора для обеспечения экономики принудительного труда, О. В. Хлевнюк выдвигает иное положение: «Прямая связь между террором... и экономическими потребностями не прослеживается». ¹⁸ Исследователь делает вывод о том, что создание экономики ГУЛАГа — это попытка государства минимизировать материальные потери, вызванные репрессиями. ¹⁹

В то же время Д. Норландер на материале лагерей Дальстроя 1930-х гг. констатировал: «...именно экономические, а не политические потребности развития страны являлись приоритетом, тем самым определяя судьбу заключенных Дальстроя...» ²⁰

Г. М. Иванова отмечает, что в первые годы существования советской власти принудительный труд рассматривался главным образом как категория карательная и в меньшей степени — как экономическая; вопросы применения труда заключенных для внутренней колонизации страны «разрабатывались уже в годы нэпа». ²¹ Она видит несколько причин создания ГУЛАГа: это выход из кризиса, вызванного возрастающим потоком заключенных; средство изоляции классовых врагов и подавления сопротивления общества; реализация «положительного» лагерно-производственного опыта ОГПУ (СЛОН); «лагерь» удобен и для внутренней колонизации страны как «исторической миссии» сталинского руководства. ²²

Значительный вклад в изучение репрессивной политики и экономики внесли уральские исследователи Г. А. Гончаров, В. М. Кириллов,

¹⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага. С. 47.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Норландер Д. Магадан и становление экономики Дальстроя в 1930-е гг. // Мобилизационная модель экономики. С. 240, 243.

²¹ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 224, 226.

²² Там же. С. 422.

Г. Я. Маламуд, Ю. Ю. Пажит, М. В. Рубинов, А. Б. Суслов, С. В. Токмянина, С. А. Шевырин. Большая их часть убеждена в том, что экономические мотивы в развитии лагерной системы превалировали над политическими. Например, С. В. Токмянина пишет: «Изначально курс на максимальное использование дешевой рабочей силы узников, взятый сталинским руководством, предполагал перманентное поступление в ГУЛАГ все новых и новых пополнений. Массовый приток новых узников в позднесталинский период обеспечивался репрессивным законодательством».²³ Есть и исследователи, которые убеждены в обратном.²⁴

Несомненный интерес представляет аргументация Э. Эпплбаум о субъективной подоплеке внедрения экономики принудительного труда. Она связывает это явление непосредственно с личностью И. В. Сталина, подчеркивая его «глубокий личный интерес» к лагерям, его уверенность в «колоссальном преимуществе» принудительного труда. Она также полагает, что аресты рубежа 1930-х и 1940-х гг. были связаны с желанием расширить использование труда заключенных.²⁵

В современной отечественной историографии выделяются следующие подсистемы директивно-мобилизационной модели экономики: репрессивной экономики, базирующейся на репрессивно-производственных комплексах (включала в себя систему «чистого» принудительного труда); экономики «свободного» труда («огосударственного труда», с элементами принуждения к труду); рыночной экономики (потребительская и сбытовая кооперация); нелегальной экономики («кланово-бюрократический социализм», нелегальные рыночные отношения).

Первостепенный интерес для нас представляет репрессивная/режимная экономика. Большинство авторов относит ее существование к периоду 1929 — конца 1950-х гг. О. В. Хлевнюк считает невозможным на данный момент объективно представить динамику и удельный вес

сектора экономики ОГПУ–НКВД–МВД в экономике страны в целом. Причиной тому являются недостатки советской экономической статистики, плохая изученность роли «шарашек» и труда спецпереселенцев, системы исполнения приговоров к принудительным работам. Автор также указывает на отсутствие исследований «о незавершенном или бесполезном строительстве», на трудность оценки себестоимости труда заключенных и эффективности лагерной экономики в процессе индустриализации.²⁶

О. В. Хлевнюк выдвинул следующие теоретические положения, призванные объяснить функции экономики принудительного труда: 1) развитие отдаленных регионов, «колонизация»; 2) поставка мобильной рабочей силы; 3) эксплуатация без ограничений; 4) «дисциплинирование» вольных рабочих угрозой принудительного труда; 5) снижение нагрузки на потребительский рынок за счет существования спецконтингента.²⁷

Исследователь ставит новые вопросы: о необходимости сравнения эффективности принудительной и «свободной» систем экономики; о выяснении того, выполняла ли экономика принудительного труда функции, которые не могла выполнить экономика вольнонаемной рабочей силы; об отсутствии в архивах материалов о степени эффективности труда заключенных. Он формулирует вывод о том, что использование принудительного труда повышало степень волюнтаризма экономической политики и приводило к затратному варианту индустриализации.²⁸

О. В. Хлевнюк обосновывает также следующие важные тезисы: «кардинальные характеристики экономики не-ГУЛАГа максимально приближали ее к грани, за которой начиналась экономика принудительного труда в чистом виде»; «экономику ГУЛАГа и не-ГУЛАГа связывала высокая степень государственной криминализации трудовых отношений».²⁹

Система принудительного труда является ядром подсистемы репрессивной экономики. Изучение этой системы вызывает значительную сложность, так как она генетически связана

²³ Токмянина С. В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. URL: <http://dis.podelise.ru/text/index-49321.html> (дата обращения: 15.03.2017).

²⁴ См.: Пажит Ю. Ю. Организация трудового использования заключенных в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-371070.html> (дата обращения: 15.03.2017).

²⁵ См.: Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006. URL: http://royallib.com/book/epplbaum_enn/gulag_rautina_bolshogo_terrora.html (дата обращения: 15.03.2017). С. 23, 60, 61, 63.

²⁶ См.: История сталинского Гулага. Т. 3. С. 42, 44, 45, 47.

²⁷ См.: Там же. С. 46.

²⁸ См.: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 78, 83, 88, 89.

²⁹ Хлевнюк О. В. Зоны советской экономики. Разделение и взаимодействие // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы Междунар. науч. конф. М., 2013. С. 10–11.

с особенностями развития российской цивилизации и множеством измерений феномена труда.

Понятие «принудительный труд» многими гуманитариями воспринимается неоднозначно. Прежде всего констатируется наличие трех форм принудительного труда — «прямой принудительный труд», его «скрытые виды» и «принуждение к труду».³⁰

А. К. Соколов расширяет сферу внимания к проблеме принудительного труда, используя термины «внеэкономическое принуждение», «принуждение к труду» применительно к «свободному труду» в промышленности с конца 1930-х гг.³¹ По его мнению, с утверждением колхозного строя «...по степени принуждения советская деревня стояла едва ли не рядом с ГУЛАГом, а по катастрофическим последствиям и числу жертв, связанных с утверждением колхозного строя, превзошла его».³²

Г. А. Гончаров обратил внимание на такие формы внеэкономического принуждения, как всеобщая трудовая повинность, огосударствление труда, принудительный труд.³³

С. А. Красильников солидаризировался с А. Б. Сусловым в оценке мобилизационных возможностей использования принудительного труда в условиях сталинской системы, считая «вольный» труд эвфемизмом. Он выделяет 4 формы огосударствления труда: «труд служебный» (номенклатура, специалисты); «наемный» (государство-работодатель); «квазидобровольный» (колхозный); принудительный (спецконтингент).³⁴ Исследуя трудгужповинность как разновидность принудительного труда, он определяет статус большинства крестьянского населения как «режимных крестьян — полукрестьян, полурабочих».³⁵

В русле обсуждения самого термина «принудительный труд» стоит обратиться к историко-правовым источникам 1930–1950-х гг.

В Конвенции 1930 г. о принудительном труде Международная организация труда (МОТ) определяет его применительно к международному праву как «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило своих услуг добровольно» (п. 1 ст. 2). В Конвенции МОТ 1957 г. об упразднении принудительного труда, уточняется, что он никоим образом не должен использоваться в целях экономического развития, как средство политического перевоспитания, дискриминации, укрепления трудовой дисциплины или в качестве наказания за участие в забастовках. МОТ считает необходимым избегать и косвенных средств, усиливающих экономическое давление на население.³⁶

Итогом российско-американского проекта по изучению ГУЛАГа (1998–2004 гг.) явились коллективные труды,³⁷ в центре внимания которых оказался принудительный труд, его производительность и эффективность, методы повышения производительности. Издание 7-томного собрания документов по истории ГУЛАГа стало «революционным» прорывом в источниковедческом и теоретическом изучении проблемы принудительного труда.³⁸

О. В. Хлевнюк проанализировал этапы развития системы принудительного труда, количественные параметры его использования, проблемы экономической целесообразности его применения в индустриализации. Он также затронул важный, но малоисследованный аспект советской экономики — соотношение экономики ГУЛАГа и «не-ГУЛАГа». Исследователь сформулировал целый ряд проблемных вопросов: 1) изучение предприятий со смешанным составом рабочей силы (вольнонаемных и заключенных); 2) оценка реальной эффективности «замкнутого круга репрессий и экономики принудительного труда»; 3) недостаточность статистических методов для сравнения уровней эффективности экономики ГУЛАГа и «не-ГУЛАГа»; 4) измерение уровня ослабления трудового потенциала страны смертностью в ГУЛАГе и «недоиспользованием» трудового потенциала заключенных

³⁰ История сталинского Гулага. Т. 3. С. 22.

³¹ См.: Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 41, 32. В связи с этим уместно напомнить, что в советский период через ИТЛ и ИТК прошло около 21 млн чел., а приговорено к исправительно-трудовым работам 17 885 512 чел.

³² Там же. С. 28, 30.

³³ Гончаров Г. А. «Принуждение к труду» и «принудительный труд» в социально-экономической политике первых десятилетий советской власти (1917–1940) // Мобилизационная модель экономики. С. 541.

³⁴ См.: Красильников С. А. Спецпереселенцы, спецартели и спецорганы. С. 270.

³⁵ Там же. С. 307.

³⁶ См.: Понятие принудительного труда. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-464455.html> (дата обращения: 15.03.2017).

³⁷ The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag / Gregory P. R., Lazarev V. (ed.). Stanford, 2003; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008.

³⁸ История сталинского Гулага. Т. 3. С. 24. Депортациям и спецссылке посвящен 5-й том серии.

(квалифицированных кадров); 5) измерение реальной производительности труда заключенных; 6) выяснение причин отказа от репрессивной политики и др.³⁹

С. Эртц, применяя институционально-системный подход к изучению ГУЛАГа, констатировал, что колонии и лагеря развивались как две независимые структуры, при этом экономические функции ИТЛ были намного важнее.⁴⁰ Он выдвинул тезис: «...руководители лагерей нередко предпринимали значительные усилия для достижения экономических целей, пренебрегая при этом требованиями ГУЛАГа о наведении в лагерях “образцового” порядка».⁴¹

Л. И. Бородкин, изучая проблему труда заключенных в предвоенное и послевоенное время, установил, что материальное стимулирование их труда развивалось в 1930-е гг., было прервано начавшейся войной и возобновлено на рубеже 1940-х и 1950-х гг. Он пришел к выводу о том, что «введение зарплаты привело к повышению производительности труда, но не решило проблемы самоокупаемости ГУЛАГа... эффективность и производительность труда заключенных была заметно ниже, чем у вольнонаемных...»⁴²

В соавторстве с С. Эртцем Л. И. Бородкин предпринял углубленное изучение лагерной экономики с помощью микроисторического подхода (на материале Норильлага).⁴³ Ими выявлена специфика Норильлага, которая заключалась в более высокой эффективности труда, чем в других лагерях. В качестве неизученных аспектов авторы называют роль приписок, «туфты», характер индивидуально-го труда заключенных и т. п.⁴⁴

А. Б. Суслов обосновал несколько важных тезисов: 1) «вольного» труда в СССР не существовало; 2) администрация лагерей не была заинтересована в эффективности труда заключенных; 3) сравнение «вольного» и принудительного труда возможно на микроуровне; 4) эффективность принудительного труда заключается в

мобилизационных возможностях, а не в экономическом понимании термина.⁴⁵ Проведя сравнительный анализ эффективности труда на микроуровне, он пришел к выводу о близости показателей труда «вольных» и заключенных.

С. А. Красильников, изучая жизнедеятельность спецпереселенцев и крестьян Западной Сибири, определил их положение двумя формами раскрестьянивания — принудительной и добровольной. Сравнивая эффективность труда, он нашел позитивные отличия в пользу первых, которые, однако, быстро нивелировались с отменой льгот спецартелям.⁴⁶

Г. М. Иванова в монографии, посвященной ГУЛАГу, констатировала общие выводы исследователей о неэффективности принудительного труда, о низком уровне производительности труда заключенных, о характеристике его как рабского труда.⁴⁷

Автор последовательно обосновывает ряд тезисов: 1) лагеря и колонии с начала 1930-х гг. стали важным фактором развития советской экономики; 2) лагерная экономика носила убыточный характер; 3) труд заключенных дороже вольнонаемного труда, а производительность его намного ниже; 4) в создание лагерной системы с самого начала было заложено два противоречивых принципа — «наказать осужденных тяжелым физическим трудом и сделать систему концлагерей самоокупаемой».⁴⁸

По мнению П. Грегори, сфера «чистого» принудительного труда стала формироваться в начале 1930-х гг., а в конце 1930-х гг. «советское руководство применило силу и принуждение на промышленных предприятиях» (т. е. в сфере «свободного» труда).⁴⁹

М. Г. Меерович сделал акцент на тезисе о принудительном расселении трудящегося населения в СССР.⁵⁰ В его работах обоснована концепция социалистического расселения,⁵¹

³⁹ Хлевнюк О. В. Зоны советской экономики. С. 9–10.

⁴⁰ Эртц С. Лагерная система в 1930-е — 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 98.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Бородкин Л. И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в послевоенном ГУЛАГе // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. С. 29–30.

⁴³ См.: Бородкин Л. И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 237, 238.

⁴⁴ Там же. С. 236.

⁴⁵ См.: Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 255, 256, 266, 275.

⁴⁶ См.: Красильников С. А. Спецпереселенцы, спецартели и спецорганы: механизмы и результаты спецколонизации севера Западной Сибири в 1930-е гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 280.

⁴⁷ См.: Иванова Г. М. Указ. соч. С. 39.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Грегори П. Указ. соч. С. 66, 67, 142, 100.

⁵⁰ См.: Меерович М. Г. Ассимилированное производство и советская модель мобилизационного «народного хозяйства» // Мобилизационная модель экономики. 2009. С. 210.

⁵¹ См.: Меерович М. Г., Кобышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011.

согласно которой социалистические города рассматриваются «как элементы государственного управления населением в структуре централизованной власти... Власть, с первых дней своего существования, отрабатывает административно-политические формы принудительной организации людей в трудовые коллективы...»⁵²

Г. А. Гончаров, изучая систему «огосударственного труда», которая оформилась в рамках мобилизационной модели к концу 1930-х гг., определил ее цель — «объединить людей для достижения великой цели, заставить их работать там, где это было нужно государству, и довольствоваться тем, как оценит работу государство».⁵³

В. М. Кириллов затронул один из наиболее острых вопросов проблемы принудительного труда — его производительность — и установил, что этот показатель стали учитывать в ИТЛ с 1944 г. Сведения о производительности труда собирались только с передовых подразделений, настоящий же учет рабочего времени не был налажен. Показатели, как правило, намеренно подгонялись бригадирами под норму питания, которая позволяла людям выжить. Все это подтверждает тезис О. В. Хлевнюка о том, что определение производительности труда не заботило руководство ГУЛАГа.⁵⁴

Л. И. Бородкин, анализируя управление ГУЛАГом с позиций теории «принципал-агент», выявил здесь несколько проблем. Впервые, центральное руководство было заинтересовано в «поддержании заключенных в нормальной форме» для выполнения производственных заданий, а лагерная администрация «нередко не проявляла такой заботы». Вторая проблема — завышение, фальсификация отчетности, подаваемой «наверх»; третья — недостаточный уровень стимулирования низовой администрации лагерей.⁵⁵

Специальное внимание в современной историографии уделено экономике военного плена. Исследователи, занимающиеся этой темой,

придерживаются прямо противоположных позиций в оценке эффективности труда военнопленных. Н. В. Суржикова, вводя в научный оборот категорию «экономика плена», имеет в виду нечто большее, нежели только принудительный труд пленных. Она позиционирует экономику плена как экономику дисбаланса, «доходность» которой оценена западными специалистами дефицитом в 2,2 млрд руб. С. Г. Сидоров же, говоря исключительно об официальной статистике труда, оценивает стоимость выполненных работ в 2,2 раза выше затрат на содержание лагерей.⁵⁶

В. М. Кириллов исследовал физическое состояние спецконтингента ИТЛ БМК-ЧМС и показатели производительности труда контингентов заключенных и трудмобилизованных. Он пришел к следующим выводам: 1) пик сверхэксплуатации узников был достигнут к концу 1943 г.; 2) администрация лагеря манипулировала цифрами, с целью показать большую, чем на самом деле, численность трудоспособного контингента (за счет включения больных и инвалидов); 3) смертность среди обоих контингентов была примерно одинакова, а показатели труда — несколько выше у трудмобилизованных.⁵⁷

Г. А. Гончаров, исследовав специфику и закономерности использования «трудовой армии» на Урале, констатировал: условия работы трудмобилизованных отличались от условий труда вольнонаемных в худшую сторону; их зарплата и производительность труда были ниже; трудмобилизованные составляли особую группу, «которая занимала промежуточное положение между осужденными и юридически свободными гражданами СССР. Жить она должна была как первые, работать — как вторые».⁵⁸

Исходя из проанализированного материала, можно говорить о значительном продвижении в исследовании проблемы принудительного труда. Одним из наиболее перспективных теоретико-методологических подходов к ее изучению, по нашему мнению, является концепция репрессивной/режимной экономики,

⁵² Меерович М. Г. Соцгород. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/meerovich/meerovich_sots.html (дата обращения: 15.01.2017).

⁵³ Гончаров Г. А. «Огосударственный труд» как элемент советской модели мобилизационной экономики: становление системы 1917–1940 гг. // Мобилизационная модель экономики. 2009. С. 329.

⁵⁴ См.: Кириллов В. М. Производительность труда спецконтингента ИТЛ БМК-ЧМС (1942–1946 годы) // Мобилизационная модель экономики. 2012. С. 559–560.

⁵⁵ См.: Бородкин Л. И. «Вертикаль» управления ГУЛАГом: проблема «принципал-агент» // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. С. 19, 25, 32, 34.

⁵⁶ См.: Суржикова Н. В. Экономика советского плена: администрирование, производство, потребление // Там же. С. 80, 86; Сидоров С. Г. Военнопленные в народном хозяйстве СССР. 1939–1956 гг. // Там же. С. 246.

⁵⁷ См.: Кириллов В. М. Физическое состояние контингентов заключенных и трудмобилизованных немцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой, показатели их трудоустройства (1942–1946) // Там же. С. 109, 114, 115, 117, 119.

⁵⁸ Гончаров Г. А. Использование «трудовой армии» на Урале в 1941–1945 гг. // Там же. С. 148.

предложенная С. А. Красильниковым.⁵⁹ Он применил историко-системный подход к описанию репрессивной экономики. Системой более высокого уровня является экономика директивно-мобилизационного типа. Внутри нее действует институционально оформленная социальная система репрессивной экономики, а элементами ее структуры являются: подсистема организации и управления; ресурсы государства; система принудительного труда спецконтингента; цель — решение задач экономического и военно-оборонного характера; средства — политические, внеэкономические; нормы — установления и нормы «режимных» органов подзаконного типа. Репрессивная экономика обладает признаками мобильности, комбинируется с другими институционально оформленными видами экономики.

В системе принудительного труда ключевой категорией выступает «принудительный труд», вокруг которого выстраиваются другие понятия. Эта система включает в себя ИТЛ и ИТК, комендатуры для крестьян-спецпере-

селенцев (репрессивно-производственные комплексы).

С. А. Красильников отмечает: «Репрессивная экономика взаимосвязана и взаимодействует со структурами репрессивной политики: устойчивость и перманентность массовых репрессий придает устойчивость и обеспечивает воспроизводство данной системы. Созданная в результате политических решений как элемент карательной системы государства РЭ (репрессивная экономика. — В. К.) впоследствии сама становится одной из причин, постоянно действующим и самодовлеющим фактором последующих репрессий».⁶⁰

Развивая теоретические рассуждения С. А. Красильникова в русле системного подхода, можно выстроить определенную иерархию систем, в рамках которой существовала и система принудительного труда.

Функционирование сложных взаимозависимостей в иерархии систем объясняет высокую степень дискуссионности исследований проблемы принудительного труда.

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Russian State Professional Pedagogical University (Russia, Nizhny Tagil)
E-mail: *history_vmk@mail.ru*

FORCED LABOR IN THE USSR: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

The article analyzes the modern (from the late 1980s — to the 2000s) historiography of the actual problem of forced labor. The methodology of investigation the concepts of modernization, mobilization and repressive economy, system approach, methods of historiographic analysis were used. More than 180 articles and monographs related to the problem of forced labor in the USSR have been analyzed. The author comes to a conclusion about the markedly changed today compared to the 1990s, the situation with access to archival sources. The camp theme pushed out of the public space. At the same time actively developing the methodology of studying the problem of forced labor. One of the most promising theoretical and methodological approaches to the study of the problem of forced labor is the concept of “repressive/regime of the economy”. Using a systematic approach identified a hierarchy of systems within which the study of the problem of forced labor: Russian civilization — totalitarian state — traditional society — repressive policies; — a mobilization of the economy; — repressive/regime economy — the system of forced labor. The operation of the complex interdependencies within the hierarchy of the above systems explains the high level of the discussion of the historiography problem of forced labor.

Keywords: *Modernization, mobilization economy, repressive economy, forced labor, government-talization labor, GULAG, repressive-industrial complex, special contingent*

REFERENCES

Arnautov N. B. [Mobilization elements of the Soviet ideology of the 1930s]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of

⁵⁹ См.: Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М., 2010. С. 99–100.

⁶⁰ Там же. С. 100.

economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2009, pp. 52–57. (in Russ.).

Borodkin L. I. ["Vertical" of GULAG management: the problem of "principal agent"]. *Istoriya stalinizma: Prinuditelnyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyaty: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 19–37. (in Russ.).

Borodkin L. I. [On the Effectiveness of the Camp Economy: Stimulation of Labor in the Post-War Gulag]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the 2nd All-Russ. Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2012, pp. 21–32. (in Russ.).

Borodkin L. I., Ertts S. [Nickel in the Arctic: the work of prisoners Norilleg]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 197–238. (in Russ.).

Epplbaum E. *GULAG. Pautina Bolyshogo terror* [GULAG. The Web of Great Terror]. Moscow: Mosk. shkola polit. issledovaniy Publ., 2006. Available at: http://royallib.com/book/epplbaum_enn/gulag_pautina_bolshogo_terrora.html (accessed: 20.03.2017).

Ertts S. [The camp system in the 1930s–1950s: the evolution of the structure and management principles]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 90–128. (in Russ.).

Fonotov A. G. *Rossiya: ot mobilizatsionnogo obshchestva k innovatsionnomu* [Russia: from the mobilization society to the innovative]. Moscow: Nauka Publ., 1993, 271 p. (in Russ.).

Goncharov G. A. ["Coercion for labor" and "forced labor" in the socio-economic policies of the first decades of Soviet power (1917–1940)]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the 2nd All-Russ. Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2012, pp. 540–546. (in Russ.).

Goncharov G. A. ["Nationalized labor" as an element of the Soviet model of the mobilization economy: the formation of the system in 1917–1940]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2009, pp. 323–340. (in Russ.).

Goncharov G. A. [The use of the "labor army" in the Urals in 1941–1945]. *Istoriya stalinizma: Prinuditelnyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyaty: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 132–154. (in Russ.).

Gorshkov A. V. [Models of man in the mobilization economy]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2009, pp. 250–253. (in Russ.).

Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 400 p. (in Russ.).

Ivanova G. M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsialno-ekonomicheskiy i politiko-pravovoy aspekty* [The history of the GULAG, 1918–1958: socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka Publ., 2006, 438 p. (in Russ.).

Khlevnyuk O. V. [Economics of the OGPU-NKVD-MVD USSR in 1930–1953: Scope, structure, development trends]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 67–89. (in Russ.).

Khlevnyuk O. V. [Zones of the Soviet economy. Separation and Interaction]. *Istoriya stalinizma: Prinuditelnyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyaty: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 8–18. (in Russ.).

Kirillov V. M. [Forced labor in the context of the mobilization economy]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO "Entsiklopediya" Publ., 2009, pp. 330–335. (in Russ.).

Kirillov V. M. [Productivity of the special contingent ITL BMK-CMC (1942–1946)]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov II Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the 2nd All-Russ. Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO “Entsiklopediya” Publ., 2012, pp. 109–131. (in Russ.).

Krasilynikov S. A. [Special resettlers, speculators and special agencies: the mechanisms and results of special colonization of the north of Western Siberia in the 1930s]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 279–316. (in Russ.).

Krasilynikov S. A., Salamatova M. S., Ushakova S. N. *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh — nachale 1950-kh gg.* [Roots or chips. The peasant family at a special settlement in Western Siberia in the 1930s and early 1950s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 327 p. (in Russ.).

Meerovich M. G., Konysheva Ye. V., Khmelynitskiy D. S. *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [Cemetery sotsgorodov: urban policy in the USSR (1928–1932 gg.)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 270 p. (in Russ.).

Norlander D. [Magadan and the formation of Dalstroi's economy in the 1930s]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 239–254. (in Russ.).

Pazhit Yu. Yu. *Organizatsiya trudovogo ispol'zovaniya zaklyuchennykh v Sverdlovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Organization of employment of prisoners in the Sverdlovsk region during the Great Patriotic War]. Available at: <http://ru.convdocs.org/docs/index-371070.html> (accessed: 25.03.2017).

Poberezhnikov I. V. [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO “Entsiklopediya” Publ., 2009, pp. 95–101. (in Russ.).

Sedov V. V. [Mobilization economy: from practice to theory]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO “Entsiklopediya” Publ., 2009, pp. 7–9. (in Russ.).

Senyavskiy A. S. [Soviet mobilization model of economic development: historical and theoretical problems]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO “Entsiklopediya” Publ., 2009, pp. 22–31. (in Russ.).

Sidorov S. G. [Prisoners of war in the national economy of the USSR. 1939–1956]. *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyaty: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 240–256. (in Russ.).

Sokolov A. K. [Compulsion to work in the Soviet economy: the 1930s — the mid-1950s]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 17–66. (in Russ.).

Surzhikova N. V. [The Economy of Soviet Captivity: Administration, Production, Consumption]. *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyaty: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 78–87. (in Russ.).

Suslov A. B. [Forced labor in the Urals (late 1920s — early 1950s): efficiency and productivity]. *GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, pp. 255–278. (in Russ.).

The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag. P. R. Gregory, V. Lazarev (ed.). Stanford: Hoover Institution Press, 2003. 212 p. (in English).

Tokmyanina S. V. *Lagernaya ekonomika Urala v pozdnestalinskiy period (1945–1953 gg.)*. Avtoref. Diss. Kand. [The camp economy of the Urals in the late Stalin period (1945–1953 gg.): abstract. Dis. ... cand.]. Ekaterinburg: Izd-vo UrFU, 2006. Available at: <http://dis.podelise.ru/text/index-49321.html> (accessed: 20.03.2017).

Zubkov K. I. [The phenomenon of the mobilization economy: historical and sociological analysis]. *Mobilizatsionnaya modely ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century: a collection of materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Chelyabinsk: OOO “Entsiklopediya” Publ., 2009, pp. 64–71. (in Russ.).